

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

В. Н. Винокуров*

ПОНИМАНИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ОТНОШЕНИЙ

Непосредственный объект преступления рассматривается как социальная связь между субъектами отношений; анализируются значение такого его понимания для определения форм вины, квалификации воздействия на потерпевшего или предмет преступления при отсутствии у них свойств, охраняемых уголовным законом, вопросы квалификации преступлений и назначения наказания при причинении вреда двум и более потерпевшим.

Ключевые слова: субъект отношений, потерпевший, покушение, совокупность преступлений, непосредственный объект, социальные связи, осознание общественной опасности

В теории уголовного права устоявшейся считается концепция о признании объектом преступления общественных отношений как типизированных устойчивых связей между членами общества. Поскольку преступление причиняет вред общественным отношениям, законодатель описывает интеллектуальный критерий умысла и неосторожности через осознание виновным общественной опасности совершаемых действий и предвидение наступления общественно опасных последствий. Однако Н. И. Загородников обоснованно говорит, что если признавать непосредственным объектом общественные отношения, то для его установления при совершении умышленных преступлений необходимо выяснять умысел виновного на причинение вреда конкретному общественному отношению. Следовательно, для вменения лицу убийства недостаточно доказать, что оно сознавало общественную опасность лишения жизни, необходимо подтвердить, что его умысел был направлен на причинение вреда конкретному общественному отношению, что вряд ли могут простые граждане вследствие абстрактности понятия «общественные отношения»¹. Так, по данным А. Ф. Зелинского, отмечающего условность результатов исследования, лишь 14 % осужденных указали, что в момент совершения преступления осознавали общественную опасность деяния, 82 % отрицали осознание общественной опасности своих действий².

Поэтому в теории при описании умысла и неосторожности с целью конкретизации предмета предвидения предложено устанавливать не осознание общественной опасности действий (выражающейся в нарушении нормального функционирования системы общественных отношений определенного типа. – В. В.) и предвидение наступления общественно опасных последствий, а осознание общественной

---

* Кандидат юридических наук, доцент Сибирского юридического института ФСКН России (Красноярск).

значимости своих действий и возможности причинения вреда чьим-либо интересам (личности, общества и государства, конкретных субъектов отношений. – В. В.)³. Это избавит правоприменителя от необходимости выяснять осознание виновным общественной опасности совершаемых действий и возможности причинения вреда общественным отношениям как типизированным связям, сложившимся в обществе. Общественная опасность может быть осознана лишь при совершении преступления против государства⁴.

Поскольку участники общественных отношений выступают их материальным субстратом, то уголовный закон, охраняя общественные отношения, тем самым охраняет «реальные» личности, из действий которых и складываются общественные отношения⁵. Следовательно, непосредственным объектом нужно признавать социальные связи между конкретными субъектами отношений, из которых складываются общественные отношения как типизированные устойчивые связи, существующие в обществе.

Именно так понимали объект в теории уголовного права досоветского периода. В. Спасович называл противозаконность признаком преступления, характеризующимся тем, что преступление представляет собой посягательство на чье-либо право, отрицающее обязанности, а так как право и обязанность предполагают всегда отношения между двумя лицами, то преступление должно содержать посягательство на известные общественные отношения. При этом он использовал термин «посягательство», а не «нарушение», потому что посягательство охватывает не только совершение правонарушения, но и покушение на него и приготовление к нему⁶. По мнению В. С. Прохорова, в данном случае речь идет об отношениях между купцом и покупателем, и их понимание «далеко от марксистско-ленинского понимания природы общественных отношений, главное в котором заключается в том, что в мнимом хаосе бесчисленных действий людей, в бесконечно возникающих и распадающихся связях и отношениях была выявлена система, объективная форма, в которой отливаются человеческие действия и интегрируют общество в целостную систему»⁷.

Рассмотрение общественных отношений как отношений между конкретными субъектами влияло на квалификацию при покушении на негодный объект или отсутствующего потерпевшего. «Если объект посягательства не существует физически, – писал Н. С. Таганцев, – то очевидно, что всякая попытка посягнуть на него будет мнимой: она включает в себе голую злую волю, но не имеет свойств преступного деяния, тем более что в большинстве случаев и самое покушение при подобных условиях бывает невозможно, по крайней мере, в тех деяниях, которые предполагают непосредственное воздействие субъекта на объект»⁸. В ст. 47 Уголовного уложения 1903 г. отмечалось: «Не почитается преступным деяние, направленное на предмет, не существующий или очевидно негодный для учинения того рода преступного деяния, которое замыслено». Таковыми признавались не только предметы, не существующие физически, но и предметы, не существующие юридически, т. е. не имеющие свойств или качеств, против юридической охраны которых было направлено действие. Поэтому не считалось преступлением покушение на убийство лица, находящегося в это время в другом городе, так как не может быть нападения на личность. Но выстрел в комнату, не приведший к смерти только потому, что жертва стояла в стороне, являлся преступлением⁹.

В советский период этот вопрос решался иначе. С точки зрения Т. Л. Сергеевой, при ошибочном изъятии государственного имущества, не обладавшего ценностью, действия лица следовало квалифицировать как покушение на хище-

ние государственного или общественного имущества¹⁰. Представляется, что такой подход основывался на том, что в 1930-х гг. в советской уголовно-правовой теории стала господствовать идея, что посягательство на социалистическую собственность представляет особую опасность для советского государства, поскольку создает угрозу экономической основе СССР. Так, в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. отмечалось: «Лица, покушавшиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа»¹¹.

В настоящее время выстрел в труп признается преступлением, так как, хотя убийство в данном случае невозможно совершить, действия лица все же общественно опасны, поскольку последствия не наступили по не зависящим от лица причинам, лицо должно быть привлечено к ответственности за покушение на негодный объект¹². «Установление уголовной ответственности за выстрел в труп, – писал В. Ф. Кириченко, – связано таким образом с тем, что, будь на месте трупа живой человек, он мог быть убит»¹³. На основании этих положений теории и применяется уголовный закон. Например, Г. в процессе ссоры убил П. ударом молотка. Через некоторое время в вагончик, где лежал труп П., зашел С., увидел лежащего на кровати П. и, испытывая к нему неприязненные чувства, ударил его топором по голове. С. был осужден по ст. 15 и ч. 1 ст. 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ)¹⁴.

Опрос следователей Следственного комитета РФ и МВД РФ показал, что на вопрос, является ли общественно опасным выстрел в труп, если субъект полагал, что стреляет в живого человека с целью его убийства, положительно ответили 88 % опрошенных. Причем две трети респондентов затруднились ответить, кому причиняется вред и в чем выражается общественная опасность выстрела в труп. Остальные указали, что вред причиняется общественным отношениям, опасность таких действий выражается в том, что субъект в последующем может совершить убийство. Думается, что квалификация выстрела в труп как покушения на убийство основывается на понимании непосредственного объекта как типизированных устойчивых связей, что приводит к необоснованному применению норм уголовного права, а это недопустимо.

Поэтому считаем верным мнение, что лицо, пытавшееся лишить жизни уже мертвого человека, можно привлечь к ответственности за приготовление к убийству (ч. 1 ст. 30, ст. 105 УК РФ), только если будет доказано, что оно приискивало, изготовляло или приспособляло для совершения убийства средства или орудия преступления (например, оружие), приискивало соучастников либо умышленно создавало иные условия для совершения убийства до наступления смерти потерпевшего. Также его можно привлечь к ответственности за фактически совершенное деяние, в частности за незаконное приобретение огнестрельного оружия (ст. 222 УК РФ)¹⁵. Представляется, что это положение следует закрепить в ст. 30 УК РФ, указав, что не является преступлением посягательство на потерпевшего или предмет при отсутствии у них свойств, охраняемых уголовным законом.

Кроме того, хотя правоотношения как объект преступления не персонифицированы и поэтому общественная опасность преступления определяется их характером, количество потерпевших как субъектов отношений, которым преступление причиняет вред, нужно учитывать при квалификации, поскольку преступление нарушает не одну, а несколько социальных связей, субъекты коих выступают потерпевшими. В ряде случаев это учтено законодателем при конструировании составов преступлений посредством формулирования такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в отношении двух и более лиц (п. «а»

ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «ж» ч. 2 ст. 126, ч. 5 ст. 264 УК РФ и т. д.), что создает сложности при квалификации.

Так, до недавнего времени согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ следовало квалифицировать убийство двух и более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно. Соответственно, если умысел на убийство одного, а затем и второго лица возник в разное время, действия виновного следовало считать убийством, совершенным неоднократно. С исключением института неоднократности законодатель дополнил ст. 17 УК РФ положением о том, что совокупность преступлений отсутствует, если совершение двух и более преступлений предусмотрено статьями Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. В силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 „О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)“» убийство двух и более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таким образом, сейчас для квалификации не имеет значения, охватывалось убийство двух лиц одним умыслом или умысел на убийство возникал одновременно.

Вместе с тем если виновный, нарушив правила дорожного движения, одновременно причинил смерть двум и более лицам, то его действия следует квалифицировать по ч. 5 ст. 264 УК РФ, если же он в результате одновременного нарушения правил причинил смерть двум потерпевшим, его действия нужно квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ. Получается, что причинение в различное время смерти двум лицам вследствие нарушения правил дорожного движения квалифицируется по совокупности преступлений, а убийство как одновременно, так и одновременно двух и более лиц – лишь по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Исходя из санкции нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 105 УК РФ, виновному за два убийства может быть назначено наказание до 20 лет лишения свободы, а при квалификации таких деяний самостоятельно, с назначением наказания по совокупности преступлений, закрепленных ч. 1 ст. 105 УК РФ, – до 22 лет и 6 месяцев лишения свободы, что приемлемо с позиции принципа справедливости. Надо отметить, что в теории уголовного права уже высказывалось предложение об ужесточении ответственности за убийство многих лиц. Так, С. Ф. Милуков предложил дополнить ст. 105 УК РФ частью третьей, где будет установлено наказание до 25 лет лишения свободы¹⁶. К сожалению, указанный автор не раскрывает понятия массовости убийства.

Недифференцированный подход к количеству потерпевших ведет к сложностям при квалификации. Например, согласно разъяснению Верховного Суда РФ убийство одного человека и покушение на убийство другого не могут рассматриваться как оконченное убийство двух и более лиц. Независимо от последовательности преступных действий содеянное нужно квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Эта позиция обоснованно критикуется, поскольку осужденному по совокупности преступлений за неоконченное и оконченное преступления может быть назначено более строгое наказание, чем за одно оконченное преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁷.

Представляется, что целесообразно отказаться от такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в отношении двух и более лиц, когда виновный непосредственно посягает на их личные неимущественные права. Во-первых, наличие в законе данного квалифицирующего признака не стимулирует виновного к прекращению преступной деятельности, так как он, умышленно причинив вред здоровью одного потерпевшего, ничем не сдерживается от причинения вреда здоровью второго, третьего и т. д. Во-вторых, этот признак вызывает сложности при квалификации, когда вред одному потерпевшему был причинен, а другому по причинам, не зависящим от воли виновного, нет.

В тех случаях, когда квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении двух или более лиц» отсутствует, вне зависимости от количества потерпевших, действия виновного квалифицируются как совершение преступления в отношении одного потерпевшего. Так, О. был осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ и за вовлечение несовершеннолетних Ш. и К. по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении отметила, что действия О. по вовлечению в совершение преступления несовершеннолетних Ш. и К. ошибочно расценены как совокупность двух преступлений, поскольку согласно первоначальной редакции ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признавалось совершение двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи, ни за одно из которых лицо не было осуждено¹⁸.

В другом случае Н. последовательно выстрелил из пистолета сначала в одного, а затем во второго сотрудника милиции, на основании чего его действия были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ исключил совокупность, указав, что самостоятельность умысла виновного на убийство одного потерпевшего, а затем второго не была доказана¹⁹.

Х. во время судебного заседания оскорбил четырех человек. Его действия были квалифицированы по совокупности преступлений по ч. 1 ст. 297 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ также исключил совокупность преступлений, оставив квалификацию только по ч. 1 ст. 297 УК РФ и указав следующее. Во-первых, в ст. 297 УК РФ установлена ответственность за оскорбление участников судебного разбирательства. Представляется, что эта редакционная неточность должна быть устранена, так как исходя из буквального толкования диспозиции ч. 1 ст. 297 УК РФ оскорбление одного участника судебного разбирательства не признается преступлением. Во-вторых, все действия Х. совершил с единым умыслом, в ходе и в отношении участников одного и того же судебного разбирательства²⁰.

Итак, суды правильно пытаются отразить в приговоре положение, что вред был причинен не одному, а двум и более потерпевшим, квалифицируя действия виновного по совокупности преступлений, если в статье не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления в отношении двух и более лиц. В то же время Верховный Суд РФ, используя различные доводы, изменяет квалификацию, что не позволяет отразить факт причинения вреда двум и более потерпевшим. Представляется, что при умышленном совершении преступления в отношении двух и более потерпевших, когда неимущественные блага человека выступают *основным непосредственным объектом*, действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Однако если виновный при совершении умышленных преступлений, где личные неимущественные блага выступают *дополнительным объектом*, и неосто-

рожных преступлений одновременно причинит вред двум и более потерпевшим, то его действия следует квалифицировать по части статьи, предусматривающей наказание за причинение вреда двум и более лицам (ст. 213, ч. 3 ст. 109, ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 263, чч. 5, 6 ст. 264 и др. УК РФ), но при этом такой вред должен быть учтен при назначении наказания. Изучение приговоров по ст. 213 УК РФ, где не было выявлено смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, показало, что суды назначают минимальное наказание в виде лишения свободы, предусмотренное санкцией нормы, вне зависимости от количества потерпевших.

Также количество потерпевших не учитывается при посягательстве на имущественные интересы субъектов отношений. Например, потерпевшими от действий С. Мавроди (осужден к 4,5 годам лишения свободы, в то время как санкция ч. 3 ст. 147 УК РСФСР (ст. 159 УК РФ) предусматривала 10 лет лишения свободы) стали 50 млн граждан²¹. *Учет количества потерпевших при квалификации приведет к тому, что при одновременном обмане многих потерпевших действия виновного необходимо будет квалифицировать по совокупности преступлений (ст. 159 УК РФ), что нецелесообразно.* Эти решения основаны на законе, так как количество потерпевших не считается обстоятельством, отягчающим наказание, но вряд ли справедливы. Поэтому представляется, что ч. 1 ст. 63 УК РФ следует дополнить таким обстоятельством, как совершение преступления в отношении двух и более потерпевших, а в ч. 2 ст. 63 УК РФ указать: «Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания, *за исключением случаев, когда вред причинен двум и более потерпевшим*».

¹ Загородников Н. И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права: межвуз. сб. науч. тр. М., 1994. С. 11.

² Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Сов. государство и право. 1984. № 9. С. 54.

³ Кулыгин В. В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве. Хабаровск, 1996. С. 48; Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2002. С. 147, 162; Скляр С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 38, 49.

⁴ Зелинский А. Ф. Указ. соч. С. 58.

⁵ Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 10; Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1963. С. 29; *Его же*. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 15.

⁶ Спасович В. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. I. С. 84.

⁷ Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 35.

⁸ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 321.

⁹ Уголовное уложение 1903 г. СПб., 1904. С. 90–92.

¹⁰ Сергеева Т. Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 33.

¹¹ Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск, 1999. С. 71.

¹² Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 49.

¹³ Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 46.

¹⁴ Дело № 04-12 // Архив Новгородского областного суда за 1995 г. Пример взят из монографии: Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 134.

¹⁵ Андреева Л. А., Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб., 2002. С. 104.

¹⁶ Милоков С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 216.

¹⁷ Хабаров А. В. Квалификация неоконченных преступлений // Рос. юрид. журн. 2000. № 2. С. 88–89; Бавсун М., Куличенко Н. Убийство двух и более лиц: совокупность или единое преступление? // Уголовное право. 2007. № 3. С. 13.

¹⁸ Бюл. Верховного Суда РФ. 2005. № 6. С. 28.

¹⁹ Там же. 2008. № 11. С. 6–7.

²⁰ Там же. № 12. С. 12.

²¹ *Арбатов П.* Где сейчас основатели российских пирамид? // Известия. 2009. 1 июля.

Bibliography

Andreeva L. A., Konstantinov P. Yu. Vliyanie zhestokosti prestupnogo povedeniya na ugovolnuyu otvetstvennost'. SPb., 2002.

Arbatov P. Gde seychas osnovateli rossijskix piramid? // Izvestiya. 2009. 1 iyulya.

Bavsun M., Kulichenko N. Ubijstvo dvux i bolee lic: sovokupnost' ili edinoe prestuplenie? // Ugolovnoe pravo. 2007. № 3.

Borodin S. V. Prestupleniya protiv zhizni. M., 2000.

Eliseev S. A. Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii). Tomsk, 1999.

Kirichenko V. F. Znachenie oshibki po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1952.

Kulygin V. V. Vinovnaya otvetstvennost' i sub»ektivnoe vmenenie v ugovolnom prave. Xabarovsk, 1996.

Malinin V. B., Parfenov A. F. Ob»ektivnaya storona prestupleniya. SPb., 2004.

Milyukov S. F. Rossijskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo. Opyt kriticheskogo analiza. SPb., 2000.

Pobegajlo Eh. F. Umyshlennyye ubijstva i bor»ba s nimi. Voronezh, 1965.

Proxorov V. S. Prestuplenie i otvetstvennost'. L., 1984.

Sergeeva T. L. Ugolovno-pravovaya oxrana socialisticheskoy sobstvennosti v SSSR. M., 1954.

Sklyarov S. V. Vina i motivy prestupnogo povedeniya. SPb., 2004.

Spasovich V. Uchebnik ugovolnogo prava. SPb., 1863. T. I.

Tagancev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. Chast' Obshhaya: v 2 t. M., 1994. T. 1.

Veklenko S. V. Ponyatie, sushhnost', sodержanie i formy viny v ugovolnom prave. Omsk, 2002.

Xabarov A. V. Kvalifikaciya neokonchennyx prestuplenij // Ros. yurid. zhurn. 2000. № 2.

Zagorodnikov N. I. Ob»ekt prestupleniya: ot ideologizacii sodержaniya k estestvennomu ponyatiyu // Problemy ugovolnoj politiki i ugovolnogo prava: mezhvuz. sb. nauch. tr. M., 1994.

Zagorodnikov N. I. Prestupleniya protiv zdorov'ya. M., 1969.

Zagorodnikov N. I. Prestupleniya protiv zhizni po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1963.

Zelinskij A. F. Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty neosoznavaemoj psixicheskoy deyatel'nosti // Sov. gosudarstvo i pravo. 1984. № 9